

«КРЕПКИЙ ХОЗЯИН»

В нашем селе Белосток крестьянское хозяйство Иосифа Августовича Грика еще при единоличной жизни считалось в числе «крепких». Приехав в Сибирь одиннадцатилетним парнишкой вместе со своим отцом из-под Гродно, наравне со взрослыми принимал участие в обустройстве на новом месте. Корчевал, пахал, сеял, жал... Пришло время - женился, отделившись от отца, завел свое подворье. Собственными руками построил двухэтажный дом - пятистенок. Постепенно благодаря многолетнему труду от зари до зари жизнь входила в нормальное русло. Надежной опорой в старости обещали стать 7 сыновей и дочь...

Однако беспокойно было на душе у Иосифа: со всех сторон власти давили налогами, хлебозаготовками, кое-кто из сельских активистов пытался свести личные счета, подступала коллективизация...

В один из вечеров стоявший у них на квартире председатель сельсовета «по дружески» посоветовал Иосифу из села уехать, иначе обещал раскулачить и сослать "куда Макар телят не гонял". Ничего не оставалось, как распродать за бесценок нажитое годами добро и уезжать из родных мест. Не он один тогда бросал политые потом свои крестьянские наделы и уезжал туда, где, казалось, поспокойнее. Так в 1932 году оказался Иосиф Грик в Кожевниковском районе Запсибкрая. Поселился в небольшой деревушке Никифоровке и вновь принялся обихаживать землю-кормилицу, благо, что она здесь была намного плодороднее нарымской. Понемногу обжился и на новом месте. Однако и здесь власть была та же: те же хлебопоставки, налоги, коллективизация...

Налоги платил сполна, но вступать в колхоз категорически отказывался. Также поступали и его соседи, такие же хлеборобы, поляки по национальности. Так и не создали колхоза в польской деревушке Никифоровке вплоть до 1938 года. А после уже началась другая кампания...

20 января 1938 года и в эту Богом забытую деревушку за всеми мужиками-поляками приехали сотрудники НКВД. Зашли они и в дом Иосифа Грика, но не застали его дома. Почти полгода скрывался он от ареста, однако, в конце концов, был председателем сельсовета выслежен и арестован.

Что с ним произошло в дальнейшем, удалось проследить по материалам его архивно - следственного дела, хранящегося в архивах Томского КГБ. Об обстоятельствах своего ареста Иосиф Августович написал сам в жалобе на имя председателя Верховного суда РСФСР в мае 1940 года из мест заключения следующее:

"... 5 июля 1938 года меня арестовал председатель Осиновского сельсовета Кожевниковского района и направил в районную КПЗ, где я пробыл два дня. Затем меня направили в томскую тюрьму, где я просидел шесть дней. Там (в тюрьме - Х.В.) меня вызывали для подписи моего материала, я просил зачитать мой материал и мое обвинение, но мне его не зачитали и принудительным порядком заставили подписаться. Я был вынужден подписаться. После моей подписи меня обратно посадили в тюрьму, где я просидел семь месяцев до 6 февраля 1939 года. Затем меня направили в этап, а перед этапом зачитали, что я приговорен к 8 годам лишения свободы. (...). По своему суждению я приговорен к лишению свободы как национал, так как мои родители проживали в Польше..."

Там в чем же все-таки в действительности обвинялся И.А. Грик и кто "состряпал" его дело? Находим ответ в его следственном деле на эти и другие вопросы. Справку на арест его составил лейтенант госбезопасности Романов, временно исполняющий дела начальника Томского горотдела НКВД, утвердил ее начальник УНКВД по Новосибирской области майор госбезопасности Мальцев, постановление о предъявлении обвинения сочинил младший лейтенант госбезопасности Горбенко, а всю черновую работу по его делу (проведение допросов, вернее, их сочинение и составление обвинительного заключения) провел оперуполномоченный сержант госбезопасности Иванов. Протоколов

допроса в его следственном деле всего два: от 6 июля, где записаны анкетные данные, и от 16 июля, в котором написано, что он сознался в том, что является членом шпионско-диверсионной националистической группы, которая якобы являлась одной из резидентур общей шпионской организации на территории Западной Сибири...

В руководители названной шпионской группы, состоящей всего из двух человек (к лету 1939 года почти никто из поляков - мужчин на свободе не находился), следователь НКВД "определил" Адама Згурского, 1891 года рождения, слесаря гаража Кожевниковского райпотребсоюза, сосланного в 1933 году на пять лет в Сибирь из Минска. Однако еще раньше «признательных» допросов, проведенных сержантом Ивановым, его начальник Горбенко в постановлении о предъявлении обвинения записал, что он "рассмотрев материал (какой? - Х.В.) по делу Грика и приняв во внимание, что гражданин Грик, уроженец Польши нелегально перешел границу" (уж не в детском ли возрасте в начале века при переезде в Сибирь?). Далее в этом документе говорится, что "Кожевниковское РО НКВД располагает данными о том, что Грик и Згурский распространяют контрреволюционные измышления о скором приближении войны фашистских государств против СССР и неизбежной гибели Советской власти. Якобы клеветают на руководителей партии и правительства, проводят контрреволюционную агитацию среди колхозников за выход из колхоза, имеют переписку с родственниками, живущими за границей, и восхваляют жизнь в фашистских капиталистических странах...»

За всё, что было сочинено следователями НКВД в их обвинительном заключении, получили Иосиф Грик и Адам Згурский приговором «тройки» от 19 октября 1939 года по 8 лет лагерей по целому «букету» 58 статьи УК РСФСР: 58-4-6-9-11. Повезло. Если бы эта же «тройка» рассматривала их дело всего на несколько месяцев раньше - не избежать бы им расстрельного приговора. А так лагерь.

Написав в сороковом году из Севураллага НКВД жалобу и отправив её по инстанции, Иосиф Грик просил разобраться с его делом и пересмотреть приговор. Виновным он себя не признавал. Невероятное дело, но жалоба его дошла до высоких инстанций и была назначена дополнительная проверка по его делу. 19 февраля и 19 марта 1941 года были допрошены бывшие односельчане Грика - Мальвина Лекаревич и Елена Гавицкая. Обе они, несмотря на страх (у самих мужа были арестованы органами НКВД) охарактеризовали Иосифа Грика как хорошего односельчанина и законопослушного гражданина, всегда в срок выполнявшего все денежные и натуральные платежи государству. Сказали они и о том, что никаких контрреволюционных высказываний от него не слышали. Однако их показания к делу приобщены не были, других следственных "мероприятий" не проводилось, и никакого решения по его делу тогда принято не было.

Как известно, жизнь лагерная не сахар. Каждый день мог стать последним в жизни "простого советского заключённого". Между тем дни шли за днями. Один год "отсидки" сменял другой, и конца им не было видно... Как потом рассказывал Иосиф односельчанам, в лагере он занимался тем, что плел лапти для заключённых, полностью лишился зубов и совсем не думал, что останется жив...

О том, что его уже посчитали не жильцом на этом свете, говорит и решение лагерного начальства от 5 февраля 1943 года о его комиссовании и досрочном освобождении. Согласно директиве комиссариата юстиции и прокурора СССР от 23 октября 1942 года за № 467, лагерному начальству разрешалось досрочно освобождать «безнадежных» доходяг умирать дома. Грику "повезло", а вот его «однодедец» Адам Згурский, не выдержав тягот лагерной жизни, 15 января 1945 года умер.

Итак, Грик из лагеря был освобождён умирать дома. Заявление же, написанное им еще в 1940 году с просьбой о пересмотре дела, продолжало неспешно своё движение в потоке канцелярской волокиты. Только 13 сентября 1945 года (через 5 лет после её написания) жалоба Грика попала к представителю нового послевоенного поколения органов ЧК - ОГПУ-НКВД-МГБ, следователю управления МГБ по Томской области Елизавете Николаевне Бабиковой. Чекист Бабикова, воспитанная в лучших традициях «славных

чекистов» 30-х годов, рассмотрев жалобу и архивно-следственное дело под №- 796234 по обвинению Грика и Згурского, нашла, что осуждены они были абсолютно правильно. В своём заключении написала, что в совершенных "преступлениях" они сознались, «изобличались показаниями двух человек, а также, принимая во внимание, что Грик из лагеря освобожден в связи с тяжёлым заболеванием», постановила ходатайство Грика о пересмотре дела оставить без удовлетворения. Одним словом, по-прежнему Иосиф Грик оставался врагом народа, лишенным всех прав и средств к существованию.

Следователю Бабиковой судьба какого-то бывшего зека - доходяги, волею судьбы оказавшегося моим земляком, была безразлична. Обязательно спросил бы её об этом, если бы знал, что в своё время и она приложила свою руку к судьбе моего земляка. Иосифа Грика лично знать мне по малолетству не довелось, а вот с Е.Н. Бабиковой встречаться приходилось. Почти восемь лет вплоть до 1985 года мне довелось с ней регулярно встречаться, работая на кафедрах общественных наук Томского инженерно - строительного института. Я работал на кафедре политической экономии, а она - доцентом соседней кафедры истории КПСС. Была в то время Елизавета Николаевна человеком в институте известным и уважаемым: старый опытный педагог, наставник молодёжи, ветеран труда и партии, по праздникам часто в парадном костюме с кучей правительственных наград сидела в президиуме...

Вряд ли кто-то из её коллег по работе в институте знал о чекистском прошлом этой убелённой сединой женщины. Это только в 1989 году из воспоминаний бывшего следователя КГБ А.И. Спраговского и бывшего заключённого ГУЛАГа Алексея Кропочкина, одного из её бывших подследственных, стало известно, что Е.Н. Бабикова после войны сама лично принимала участие в фальсификации дел. На фронте она не была, а свои боевые награды заработала на чекистском поприще.

Как она допрашивала подследственных мне не известно, но, очевидно так же, как много позже принимала экзамены по истории КПСС у студенток-первокурсников. Доводилось своими глазами видеть такую картину: сидит уважаемая доцент Бабикова за столом в студенческой аудитории с папиросой Беломора в губах и рассеянно слушает, а рядом на стуле, задыхаясь от едкого папиросного дыма и не смея возразить что-то лепечет молодая студенточка об «организующей и направляющей роли партии». Как тут не поверить словам о том, что привычка - вторая натура. Однако, Бог с ней, с Бабиковой. В конце концов, не она сфальсифицировала дело Иосифа Грика и не о ней сейчас идёт повествование.

Вернёмся к судьбе Иосифа Грика. Нет, вопреки расчётам тюремщиков дома он не умер. Крестьянская выносливость, более- менее сносная пища позволили ему выжить, вернуться с того света. После освобождения из лагеря он вновь вернулся в места своей молодости. Первое время жил в селе Кривошеино, а потом вновь перебрался в Белосток, туда, где прошла большая часть его жизни, где были похоронены родные и близкие. Мечтал вновь встать на ноги, начал выращивать скот, свиней, другую живность. И даже парализация жены Степаниды не заставила его отказаться от этой вековой заботы крестьянина. Жил в селе тихо и незаметно, стараясь ничем не напоминать "органам" о том, что еще жив: как бы вновь не отправили "досиживать" свой срок.

Только в 1959 году он решился и написал заявление в областной КГБ с просьбой выслать справку о его "непричастности и каком - либо преступлении", отметив, что справка необходима для восстановления стажа работы. Более семи месяцев прождав заветную справку и не получив на своё обращение ответа, он 28 ноября 1959 года вновь написал заявление, но уже на имя прокурора области. На этот раз его заявлению был дан ход. После детального изучения его уголовного дела и дополнительной проверки определением Военного трибунала СибВО от 25 января 1960 года постановление "тройки" УНКВД от 19 октября 1938 года по Грику и Згурскому было отменено из - за "отсутствия события преступления".

Однако с заветной справкой о реабилитации Иосифу Грику долго пожить равноправным гражданином не пришлось. Однажды он попался "под горячую руку" одному из колхозных активистов и был безнаказанно избит так, что "тронулся головой" и 8 марта 1961 года после кровоизлияния в мозг и парализации скончался.

Ничто сегодня не напоминает в селе о некогда крепком хозяине Иосифе Грике. Разве что косогор, где когда-то стоял его двухэтажный дом, старожилы по - прежнему зовут «Гриковой горой»...